

сломанные человечки

очерки

Нас не волнует крах разума. Всеми
силами мы сражаемся за внедрение
слабоумия повсюду.

Тристан Тцара

ДОМ. ЧЕР-КИ: А Савву-принцу
ника (который, ~~гов~~ но случается
принци кого-то на воле от
кой), скоро вымучат [вымуч
от] — брат сказал, Людмила
Бенедиктовна.

На "каменке" у 1^й палаты те
идет не только "привилегирован
нае". Вреда и позавчера по
капример, генерал Максим
Метелин — ушибивший пареню
добрый, чуть выхлявкой функцией
угодил нас старухами, и мы
курим в туалете в пещиной, а
этих ~~запрещено~~ запрещено! В ту
ночь мне не спалось из-за
каменка (2 ~~раза~~ ^{ЗА ВЕЧЕР}), а Паши
Лайка и Диме Ковкову —
серд их знает, наверное из-за
шерка. Им просто ~~вредно~~
~~каменка~~ ^{каменка}.

Которо Макс Метелин генер
нит, а Диме всё смит — еход
на ишечное за утешном
не добудится.

Еще они участвовали в
какой-то там уборке-то,
коридора, то ли туалета...

братья

небо — сероватое ватное одеяло; воздух — студенистый, влажный, липнувший к телу, лицу эфир; земля — исполинская туша некоего нового, странного, неведомого науке животного. Мир — умирающее насекомое; сокращает сочленения медленно, в бесцельной агонии...

Дверь скорой захлопнулась с протяжным, медным каким-то лязганьем, и нашего героя — назовем его Адонис — повлекло куда-то — куда — хер знает! — в железной утробе автомобиля. Молчаливые, по виду нескучающие санитары-медбратья хранили монументальную неподвижность, лишь слегка покачиваясь, когда машина встречалась с «лежащим полицейским». Один из парней, с черными — вороново крыло — длинными, блестящими, заплетенными в две косы волосами и монголоидным разрезом глаз, был похож на индейского вождя.

Пред очами его, словно прерии, проплывают медленно — ограничение скорости 40 км/час — холодные камни

Петербурга. И, словно в давнем сне, по внутренней поверхности глазного яблока стекают новые — теперь давно забытые — видения далекой Родины, убитых братьев. Давно, давно это было; зарыт теперь топор войны, и братья вождя — ни живые, ни мертвые — в линиях джинсах и дешевых шмотках — подачка белого человека — отоваривают пластиковые карты в музеях поп-арта¹.

С запахом синтетической эссенции, стимулирующей обонятельные рецепторы покупателей — маркетинг, мать их всех, время белого человека — с мелодичным звяканьем — шарманка современности — кассовых аппаратов; с гудением слепящих, мерцающих инфернально ламп ночного света; с чернокожими рабами в униформе охранников у входа в лимб. И проходят братья в блеклосиней джинсе, в стоптанных, в дырах «конверсах», с неизбывной тоской в опустевших глазах, с боксом рвотного эля и пузырьем отравы (огненная вода — что подделать, бро! — время белого человека) в тележках супермаркета; чипсы — на закуску...

И уходят, уходят братья, далеко — отсюда не видать. Уходят далёко: за Гремящие Моря, в Страну Вечной Охоты...

Далеко, далёко — навсегда; в Вечность — как в Ничто...

Далёко, далёко за морем
Стоит одиноко скала...

Адонис очнулся... Скорая, взвизгнув лысыми шинами, тормознула у ворот Учреждения. Дверца автомобиля ушла

¹ Энди Уорхол предлагал один из американских супермаркетов законсервировать в качестве музея. — *Здесь и далее примеч. автора.*

в сторону с металлическим скрежетом. Братья молчаливо, все с той же монументальной отрешенностью проводили его к зданию, в приемный покой, и ушли — исчезли навсегда, растворились в мутной пелене не-бывших воспоминаний, и больше он никогда их не видел. А следующие полгода не вспоминал об индейцах: не до того было.

ПОКОЙ

Воздух приемного покоя, монументального, рассчитанного словно бы на титанов — не на нас, карликов — помещения сгустился в две новые фигуры: еще медбрат (не тот, конечно, что вначале — пожиже) и с ним два бесцветных ханурика; один из них с полукруглой вмятиной на черепе. Они держат в чуть подрагивающих, в узловатых венах руках больничное белье (кальсоны, фуфайка с завязками) и тапки. Переодевание на одном из диванов покоя. Диван, так же как и сам покой, — огромный, прямо-таки мифических габаритов.

Зарешеченные — чтобы не прыгали суицидники, догадался Адонис — широкие лестницы с каменными ступенями. Идем на отделение, в палаты. Не царские, разумеется...

Первая — надзорная палата с характерным запахом мочи.

Больные лежали, вытянувшись на койках. Горизонтальное положение тела человека символизирует полный покой, смерть. Покой... Покойник... Этимология!

Капельница на хилых, расплзающихся вязках¹; таблетка транквилизатора. И Адонис увидел сон — всплыла в засыпающем уме смутная греза: покой...

¹ Вязки — полосы ткани, которыми привязывают руки пациентов (запястья) к койке, замена наручников.

пробуждение

пациенты просыпаются — встают, пробуждаются психи. Хотя могли бы этого не делать: все равно следующий день будет точь-в-точь похож на предыдущий.

Пробуждение (не в буддийском смысле, конечно, а так — в бытовом). Пробуждение в Первой — надзорной — палате наступает чуть ли не в семь утра. Всех выгоняют из помещения вон, и сидят психи в коридоре, ежатся от сквозняка, зевают — хочется спать, доспать еще немного — но нельзя, сейчас нельзя. Таков порядок: проветривание.

Утренний туалет (иногда — по договоренности с персоналом — можно принять душ).

Завтрак.

Уборка коридора.

Досуг: чтение; письмо (письменные принадлежности запрещены, но некоторые больные, как это всегда бывает,

ухитряются достать стержень синей шариковой ручки или огрызок карандаша); настольные игры (шахматы, шашки; остальные запрещены; на шестом отделении есть еще настольный теннис, но об этом позже); бесцельное шатание по коридору; мастурбация; просмотр телевидения, видеофильмов (порнография запрещена); перекур; чифир из нифелей¹.

И разговоры, беседа... То была самая интересная часть больничного досуга, самая плодоносная в смысле опыта и впечатлений, но Адонис понял это значительно позже, много позднее.

Но я не знаю, кто из нас теперь он... Если ты достаточно долгое время существуешь рядом с сумасшедшим — тоже станешь безумным.

¹ *Нифеля (мн.)* — использованные чайные пакетики.

литература

дурацкий все-таки опыт беседы эти. Читать лучше. В том конце коридора (противоположном от входа¹ на отделение), что примыкает к столовой, водружен на косые деревянные ножки древний (на самом деле — производства 1970-х, но мы так далеко не заглядываем) советский шкаф. Последние годы доживает, бедняга. В его утробе — книжное богатство. Не то чтобы пиршество духа, конечно, но наш герой — в остальном бездельник, каких мало — обнаружил внутри: «Иностранный легион» Виктора Финка, индусский эпос (вклю-

¹ Любопытно, что слово «выход» здесь никто не употребляет. Наверное, потому, что и нет его — выхода. Завтра будет то же, что и вчера — вернее, ничего не будет. Все то же монотонное прозябание, тупая отрешенность. Выходит, нет ни прошлого, ни будущего — так? Одно сплошное настоящее! Чего же лучше? Это вечность, бро! Нет, не вечность: просто серенькая банька с паучками — помнишь, у Достоевского?

чая «Бхагават-гиту»), «Наполеон из Ноттинг-Хилла» (первый роман Честертона), «Новый Завет», «Заводной апельсин», «Коран» в карманном издании и даже — внимание! — «Дхаммападу» с комментариями. Ну, мать вашу за ногу! Наш герой — в остальном, как уже было сказано, ленивец, каких сам Диоген не сыскал бы — набросился на чтение.

Читают лежа на кровати, спиной к окну. Да и мы почти все делаем лежа или сидя. Когда, много позже, Адонис выписался из больницы, он едва мог ходить: болели пятки. Атрофия мускулатуры...

Хотя, если честно, читает мало кто... Разве что мусолят старые газеты с кроссвордами и байками-анекдотами. У некоторых на прикроватной тумбочке обстоятельно покоится толстенная книга, раскрытая аккурат на седьмой или четырнадцатой странице, и так неделями подряд... Чрезвычайно странно, что страницы покрыться пылью не успевают...

Словом, по-разному читают люди.

Everyone will come, everyone will come,
to my funeral...

